

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ПРИНЯТИЯ ПЕРВЫХ ПИСАНЫХ КОНСТИТУЦИЙ ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

А. П. Саая

Аннотация: В статье проводится анализ некоторых источников права, повлиявших на развитие и становление государственно-правовых отношений и институтов Республики Тыва, а также дается анализ исторических и правовых процессов, ставших предпосылками принятия первых писанных конституций Тувы и образования независимого государства.

Ключевые слова: конституция, государство, источники права, конституционный процесс, конституционное право, история права.

Празднование тех или иных юбилейных дат, а особенно исторических, непременно связано с подведением различных итогов, переосмыслением и анализом пройденного пути. Несомненно, что историко-культурное, да и правовое наследие Тувы является неотъемлемой составной частью общечеловеческой культуры, многогранного исторического опыта общества, необходимого в бурных реалиях современности.

Приобщение к историко-культурному наследию дает нам не только понимание прошлого, но и знание настоящего и представление о будущем. Недаром В. Г. Белинский писал: «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем» (Белинский, 1957: 291-292).

Одними из всеобъемлющих и достоверных носителей информации о прошлом являются исторические памятники права. Это кладовая материальных и духовных составляющих культуры, имеющая личное, коллективное, государственное происхождение. Государственно-правовое наследие любого государства представлено множеством свидетельств разного характера. Это и археологические находки, и предметы материальной культуры, и письменные источники (государственные акты, летописи, книги, дневники, письма), которые можно отнести к свидетельствам становления и развития государственно-правовых отношений.

С точки зрения науки конституционного права, каждое государство имеет свою конституционную историю, то есть, так называемый собствен-

Саая Аяс Плоткаевич - заместитель Председателя Конституционного суда Республики Тыва.

ный «конституционный процесс», который является частью мирового процесса, развития и совершенствования важнейшего закона любого государства, т.е. «Закона законов» формальной (юридической конституции как документа, имеющего высшую юридическую силу в государстве, регулирующего основы социально-экономического строя, политической системы, правового статуса личности, духовной жизни общества) и материальной конституции (т.е. фактической или социальной конституции в качестве реально существующих основ общественно-политического строя, действительного соблюдения прав и свобод).

Не вызывает сомнения, что и Тува прошла свой путь становления и развития государственности, имеет свой конституционный процесс в упомянутом контексте.

Генезис тувинской государственности и правовых отношений в историческом пространстве чрезвычайно интересен и богат событиями. Предки современных тувинцев постоянно участвовали во всемирно известных исторических процессах, в крупных событиях, происходивших на территории Центральной Азии.

В раннем периоде вхождения Тувы в состав различных государств и ханств общественные отношения строились в соответствии с нормами обычного права, традициями и культурой тувинских племен и родов. Обычаи и традиции всегда служили основой регулирования социально-политических отношений в кочевом обществе. Здесь имеются ввиду традиционные правовые нормы, объединяемые термином «тору» (на тувинском языке — «дурум», т.е. «обычай» или «правило»), который многократно встречается в рунических надписях и на каменных изваяниях на территории Монголии, Тувы, Хакасии, Алтая и Средней Азии. Кроме внутриулусных и межулусных отношений, упомянутый свод правил регулировал также взаимоотношения глав улусов, ханов и подданных, иерархические степени старшинства и ритуал введения в различные должности. Система обычного права, созданная и подкреплённая многовековым опытом кочевых народов, даже будучи обличённой в форму фольклорных повествований, воспринималась не только как пример своим правителям, но и как непреложный закон или правила, завещанные предками (Ондар, 2009: 35).

Древние законы тувинцев, регулировавшие взаимоотношения представителей разных родов, устанавливали такую систему самоуправления, при которой все тувинцы обладали равными правами и обязанностями друг перед другом и перед обществом.

Не существует однозначного ответа на вопрос, когда начался конституционный процесс в Туве, понимаемый нами как эволюция государственно-правовых отношений и государственно-правовых институтов государства, выражающих и закрепляющих тенденции мировой конституционной эволюции, и что этому предшествовало.

Ответ на вопрос о начале конституционного процесса складывается из ответов на ряд других вопросов. Прежде всего, что считать конституцией: либо сложившийся порядок, государственное устройство, т. е. так называемую фактическую конституцию, или юридически значимый акт (текст), в котором закрепляется государственное устройство? Оба подхода вполне правомерны. Однако первый вариант понимания конституции носит, скорее, философский, мировоззренческий характер. Для юриста-государствоведа в силу его профессии, которая предполагает, прежде всего, изучение и анализ норм, а не исторических текстов (хотя они также важны), более подходит второй вариант. Поэтому конституционный процесс необходимо связывать с существованием актов (текстов), которые закрепляли (описывали) государственное устройство и важнейшие права людей в государстве.

В теории конституционного права принято считать, что история конституционного процесса или мировой (всемирный) конституционный процесс начался в Древней Греции, где появились первые образцы конституционных текстов, которые названы протоконституциями (Чудаков, 2008: 18) (греч. *protos* — первый), и продолжился в Древнем Риме, где и возник термин «конституция», ставший общепризнанным, общепонятным гораздо позже. Следующий этап мирового конституционного процесса начинается с XIII в., точнее, с 1215 г., когда была принята знаменитая Великая Хартия Вольностей (*Magna Carta*). Наряду с ней практически все исследователи называют другие общепризнанные вехи неписаной английской (позже — британской) Конституции. Это Акт Хабеас Корпус 1679 г. (*Habeas Corpus Act*), Билль о правах 1689 г. (*Bill of Rights*), Акт о престолонаследии 1701 г., Акт о союзе с Шотландией 1706 г. Этот этап можно назвать периодом становления или этапом развития неписаных конституций. Затем следует эпоха первых писаных конституций, конституций в современном понимании этого слова (с принятием конституции США в 1787 г.).

По нашему мнению, отсчет протоконституционных процессов на территории Тувы следует начать с периода великих тюркских каганатов (с VI вв.). Именно в это время огромное влияние на развитие государственности народов центрально-азиатского региона оказал свод канонов и за-

конов, созданный степной цивилизацией Великих тюркских каганатов, легший позднее в основу «Великой Ясы» Чингисхана. Более того, некоторые современные ученые уверены, что «Великая Яса» и есть основной государственный закон древних тюрков (напр. см.: Бадра, 2005: 16), поскольку в самом законе говорилось о традициях и нормах, пришедших из древних времен.

Примечательно, что и Л. Н. Гумилев отмечал, что «...древние тюрки не только играли роль посредников, но одновременно развивали и собственную культуру, которую они считали возможным противопоставить культуре Китая, и Ирана, и Византии, и Индии. Эта особенная степная культура имела древние традиции и глубокие корни, но известна нам в значительно меньшей степени, чем культура оседлых стран. Причина, конечно, не в том, что тюрки и другие кочевые племена были менее одарены, чем их соседи, а в том, что остатки их материальной культуры — войлок, кожа, дерево и меха — сохраняются хуже, чем камень, а потому среди западноевропейских ученых возникло ошибочное мнение, что кочевники были «трутнями человечества» (Гумилев, 1993: 5). Ныне археологические работы, проводимые в южной Сибири, Монголии и Средней Азии, ежегодно опровергают это ошибочное мнение, и сегодня уже говорят о развитой материальной культуре древних тюрков. Но еще более, чем материальная культура, поражают сложные формы общественного бытия и социальные институты тюрков: эль, удельно-лествичная система, иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия, а также наличие четко отработанного мировоззрения, противопоставляемого идеологическим системам соседних стран. У тюркских народов понятие «эль» в основном осознается как государство, империя.

Далее, по нашему мнению, к одним из величайших документов, оказавших огромное влияние на развитие протоконституционных процессов Тувы, следует отнести «Великую Ясу Чингисхана», датируемую 1206 годом, когда на берегу Онона был созван курултай (съезд) монгольских князей, на котором Темучин был провозглашен ханом Великого монгольского государства с титулом Чингисхан. Одновременно на Великом курултае в том же году была принята Великая Яса Чингисхана — «Свод постановлений» — Основной закон Великой монгольской империи, обнародованный Чингисханом при избрании его великим ханом (Сокровенное сказание монголов, Электр. ресурс).

Г. В. Вернадский отмечал, что монгольское слово яса (ясак, джасак) означает — «поведение» или «декрет». До недавнего времени было обыч-

ным говорить о Великой Ясе как о собрании общепринятых монгольских правовых установлений. Это происходило, частично, потому, что статьи Ясы, относящиеся к уголовному законодательству и наказанию, привлекали большее внимание историков, нежели любая другая часть кодекса (Вернадский, 2011).

В тувинском языке также слово ясы до сих пор употребляется в виде *ясак, чазак*, что означает — ‘повинность’ и ‘правительство’. А Еке-Йосу — часть Ясы, в моноголо-тюркском переложении, где отражены уголовные, гражданские, земельные, военные и иные права людей. Здесь словосочетание, где *еке* или *эке, эки* — означает ‘лучшее, доброе, подлинное’, а *йосу, ёзу* с тувинского языка переводится как ‘традиция, правило, закон’. Таким образом, это тот же свод законов, своего рода «подлинная конституция» (Бадра, 2005: 20).

Несмотря на свой учредительный характер, закон «Великая Яса» имеет весьма конкретные нормативные положения, относящиеся к определенным областям, таким, как: ханское государство, природа, охота и добыча в условиях военного времени, вопросы уголовного, административного и гражданского права, вопросы международные и дипломатические, и в каждом из них очень четко определена мера и степень наказания. Анализ многих фрагментов закона показывает, что он не был диким и жестоким, а, наоборот, гуманным и справедливым. Например, 40 статей закона имеют предостерегающий (предупредительный) характер. Одна из статей гласит следующее: «Если преступник не задержан на месте преступления, то его нельзя наказывать без следствия. Также закон утверждал, что нельзя подвергать наказанию того, кто не дал показания».

Несомненно, что «Великая Яса», в основу которой лег свод канонов и законов, созданный степной цивилизацией, по объективным историческим причинам оказала огромное влияние на государственно-правовые процессы народов центрально-азиатского региона, ставших ядром Великой монгольской империи. «Великую Ясу» нельзя признать конституцией в полном смысле слова, но в качестве «протоконституции», наряду с признанными актами, такими как Magna Carta, Habeas Corpus Act, Bill of Rights, она явилась важнейшим вкладом в становление и развитие конституционного процесса в том числе Тувы.

К другим источникам права, также оказавших большое влияние на дальнейшие протоконституционные процессы, протекавшие на территории современной Тувы, после распада Великой монгольской империи можно отнести законы Китайской империи, специально изданные для

колонизированных Монголии и Тувы под общим названием «Уложение палаты внешних сношений» (далее — Уложение).

Ученые, особенно советского периода, оценивая упомянутый свод законов, отмечают, что тувинцы были поставлены в положение бесправных рабов, зависимых от династии, что Уложение предусматривало жестокие телесные наказания аратов. Приводят примеры, что наиболее тяжело каралось бегство из своего хошуна за границу, особенно в Россию. «Всех тех, — говорилось в нем, — кто... предпримет бегство за границу и окажет сопротивление, убивать без разбора». Арату нельзя было выехать без разрешения начальства даже за пределы своего сумона, ибо закон требовал «никому не отлучаться из своих кочевий без позволения высших, хотя бы кто вздумал посетить своих родственников» (Липовцев, 1828: 47).

По мнению Н. А. Ондара, Уложение, узаконив феодальную зависимость арата от нойона, давало последнему практически неограниченные права над аратом, и тем самым законодательно закреплялись произвол и насилие феодалов над трудящимися. Аратам строго запрещалось жаловаться на своих господ — за подобную попытку арата наказывали ста ударами плетью или штрафами до девяти голов скота. Нойон мог убить арата и в худшем случае отделялся за это лишь небольшим штрафом. Убийство же нойона аратом наказывалось смертной казнью (Ондар, 2009: 45).

В целом, соглашаясь с учеными, что данное Уложение было жестким сводом законов, оно и не могло быть иным, мы в контексте нашей темы отмечаем и позитивные для конституционного процесса Тувы положения. Например, Уложением были предусмотрены достаточно серьезные элементы самостоятельности для колонизированных территорий Тувы и Монголии, что подтверждается выводами тех же ученых, которые отмечают, что «к тому времени, на территории современной Тувы уже сложились свои государственные, административные, руководящие органы, которые решали вопросы как внутренней и внешней политики, так и вопросы экономики» (там же).

Так, несмотря на то, что Тува была колонией Китайской империи, она обладала полномочиями широкой автономии. Заметим, что в интересах китайского императора были лишь военно-административные и налоговые цели. Тувинские хошуны, принадлежавшие монгольским князьям, платили своим владельцам различные подати и несли трудовые повинности. Согласно Уложению, монгольские князья имели право брать подати только в строго определенных размерах. В статье 196 Уложения

сказано: «Все разносторонние монгольские князья и тайцзи, у коих существуют свои наследственные поместья, должны ежегодно брать подати не более как по нижеследующему расписанию, а именно: с каждой семьи, имеющей более пяти голов рогатого скота, брать одного барана, с 20 овец — также одного, а с имеющих 40 овец — двух, а более сего не брать, хотя бы кто имел и гораздо большее количество животных» (Липовцев, 1828: 174). Представляется, что данная фиксированная система налогообложения стимулировала иметь большее количество скота и не могла считаться непомерно обременительной.

Более того, стремясь сохранить колонию, Китайская империя устанавливала различные препятствия, сдерживавшие экономические, политические и культурные связи тувинцев с китайским и монгольским народами. Однако политика маньчжуров в отношении изоляции Тувы от Монголии и Китая объективно способствовала развитию русско-тувинских экономических связей, возникших еще в первой половине XVII века (Ондар, 2009: 45).

Полагаем, что «Уложение палаты внешних сношений» оказало немаловажное влияние на протоконституционные процессы, проходившие на территории Тувы. Заложенные в Уложении элементы самоуправления, а также жесткие экономические ограничения, способствовали развитию русско-тувинских хозяйственных, а впоследствии и политических отношений.

Таким образом, проанализированные нами источники права показывают, что эволюция государственно-правовых отношений и государственно-правовых институтов Республики Тыва выражала и закрепляла тенденции мировой конституционной эволюции, мирового конституционного процесса. В контексте нашего исследования этот генезис являлся следствием конституционных (протоконституционных) процессов, протекавших на территории центральноазиатского региона. Принятие первых писаных конституций ТНР и образование независимого государства, с точки зрения науки конституционного права, не было случайным явлением и имело свой исторический и правовой фундамент. Этой основой можно считать древние законы тувинцев, обычаи и традиции народов центрально-азиатского региона, легших в основу «Великой Ясы», а также «Уложение палаты внешних сношений».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Белинский, В. Г. (1957) Избранные философские сочинения. М. Т. 2. С. 291-292.
Ондар, Н. А. (2009) Конституционное развитие Республики Тыва. Абакан.
Чудаков, М. Ф. (2008) Конституционный процесс в Беларуси (от Привилея Казимира до Конституции Республики Беларусь). Минск.
Гумилев, Л. Н. (1993) Древние тюрки. М.
Сокровенное сказание монголов (Электронный текст) // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Skaz_Mong/index.php
Вернадский, Г. В. (2011) Монголы и Русь. М.
Липовцев, С. В. (1828) Уложение Китайской палаты внешних сношений (пер. с маньжур.) Т. I, II. СПб. Т. I.

**ABOUT SOME PRECONDITIONS OF ADOPTING THE FIRST WRITTEN
CONSTITUTIONS OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF TUVA**

A.P. Saaya

Abstract: Article provides the analysis of some sources of law which affected the development and formation of state-law relations and institutions of the Republic of Tuva, and also the analysis of historical and law processes that preconditioned the adoption of the first written constitutions of Tuva and formation of the independent state.

Keywords: constitution, state, sources of law, constitutional process, constitutional law, history of law.